

Советский Союз в европейской политике осени 1938 — лета 1939 гг.

М. И. Мельтюхов*

В условиях краха Версальско-Вашингтонской системы международных отношений обострилась борьба великих держав за свои интересы. Мюнхенское соглашение, изменив равновесие сил в Европе в пользу Германии, чрезвычайно усложнило международную обстановку и обострило существующие противоречия. Англо-германская, а затем и франко-германская декларации о ненападении в представлении правящих кругов СССР свидетельствовали об усилении тенденции создания временного единого фронта европейских империалистических держав. Перед советским руководством вновь возник призрак возрождения «Пакта четырех», и главной задачей внешней политики Москвы стало недопущение консолидации великих держав Европы без ее участия. Для решения этой задачи Советский Союз должен был, во-первых, постараться улучшить отношения со своими непосредственными западными соседями, а во-вторых, тщательно отслеживать взаимоотношения Великобритании, Франции, Германии и Италии, чтобы использовать имеющиеся между ними противоречия в своих интересах. Осенью 1938 г. активность внешней политики Москвы снизилась. Советское руководство было вынуждено выжидать дальнейшего развития событий в Европе.

Пока же Советский Союз стремился расколоть сложившийся в ходе чехословацкого кризиса германо-польский тандем. 8 октября 1938 г. польскому послу в Москве было заявлено, что советская сторона не отказывается «от мирного сотрудничества с любым государством»¹. Получив этот намек, Польша, продолжавшая свою традиционную политику балансирования между Берлином и Москвой, 20–22 октября начала зондаж СССР с целью нормализации отношений, обострившихся в период чехословацкого кризиса. 24 октября Германия предложила Польше обсудить пограничные проблемы. Варшаве предла-

галось согласиться с включением Данцига в состав Третьего рейха, разрешить постройку экстерриториальных шоссейной и железной дорог через «польский коридор» и вступить в Антикоминтерновский пакт. Со своей стороны Германия была готова продлить на 25 лет соглашение 1934 г. и гарантировать существующие германо-польские границы².

4 ноября Москва предложила Варшаве принять коммюнике о нормализации отношений, которое в итоге было подписано 27 ноября. Подготовка этого документа породила в Москве надежды на то, что «в случае нужды Польша протянет руку за помощью и к Советскому Союзу». Конечно, в данном случае советская сторона под влиянием момента выдавала желаемое за действительное, так как Польша ни при каких обстоятельствах не собиралась обращаться за помощью к СССР. Это стало очевидно сразу же после подписания советско-польского коммюнике. Если Москва старалась создать впечатление об антигерманской направленности документа, то Варшава уже 28 ноября уведомила Берлин, что декларация распространяется лишь на двусторонние советско-польские отношения и не направлена на привлечение СССР к решению европейских проблем³.

Вместе с тем, польское руководство опасалось слишком тесного сближения с Германией, хотя и не отказывалось от обсуждения германского предложения. В принципе Польша не исключала возможности создания германо-польско-японского военного союза с антисоветской направленностью и 2 января 1939 г. установила консульские отношения с Маньчжоу-Го, что было с настороженностью воспринято в Москве. Однако Варшава не желала становиться сателлитом Берлина и была согласна на определенные уступки в вопросе о Данциге лишь в обмен на ответные шаги Германии. Визиты министра иностранных дел Польши Ю. Бека 5–6 января 1939 г. в Берлин и германского

* **Михаил Иванович Мельтюхов** — доктор исторических наук, старший научный сотрудник Всероссийского НИИ документоведения и архивного дела.

министра иностранных дел И. фон Риббентропа 26 января в Варшаву показали, что Польша все еще не готова к соглашению с Германией. В итоге германское руководство стало склоняться к мысли о необходимости военного решения польской проблемы в определенных условиях⁴.

Со своей стороны Варшава решила вновь прибегнуть к тактике лавирования на международной арене. Начавшиеся еще в декабре 1938 г. зондажи Москвы о торговом договоре переросли в январе 1939 г. в переговоры, завершившиеся 19 февраля подписанием первого в истории советско-польского торгового договора⁵. Видимо, в этот момент обе стороны решили продемонстрировать определенный уровень контактов и, хотя не все экономические вопросы были согласованы, документ все же был подписан. Однако по мере нарастания трудностей в германо-польских отношениях и Москва, и Варшава стали склоняться к отказу от демонстрации сотрудничества.

Тем временем Великобритания и Франция надеялись закрепить и продолжить процесс контролируемых ими политических изменений в духе Мюнхена. Начавшиеся в октябре 1938 г. секретные экономические англо-германские переговоры привели к подписанию в Дюссельдорфе 15 марта 1939 г. картельного соглашения представителями промышленности обеих стран. С октября 1938 г. Франция также активизировала процесс сближения с Германией. Лондон и Париж в принципе не исключали возможности признания Восточной Европы зоной германского влияния при условии устранения для себя германской угрозы и прекращения односторонних экспансионистских действий Берлина. По мнению британского руководства, это открывало перспективу для всеобъемлющего соглашения Великобритании, Франции, Германии и Италии⁶.

Рассчитывая стать лидирующей силой на континенте, Германия добивалась признания за собой статуса мировой державы со стороны Великобритании и Франции, что было невозможно без демонстрации силы. В Берлине полагали, что, хотя влияние Германии в Восточной Европе значительно возросло, оно все еще не стало решающим. Для этого следовало окончательно устранить с политической карты Чехословакию, что позволяло припугнуть восточных соседей, сделав их более сговорчивыми. Возвращение Мемеля (Клайпеды) усилило бы германское влияние в Прибалтике, обеспечивая тем самым тыл для войны на западе. Лишь после решения этой задачи Германия могла позволить себе антисоветский поход⁸.

Поэтому, продолжая политику балансирования между западом и востоком, германское руководство с конца 1938 г. стало постепенно добиваться нормализации отношений с СССР. 19 декабря без всяких проволочек был продлен на 1939 г. советско-германский торговый договор. 22 декабря Берлин предложил Москве возобновить переговоры о 200-миллионном кредите, намекнув на необходимость общей норма-

лизации отношений. Опасаясь германо-польского сближения в результате визита Ю. Бека в Германию, советская сторона 11 января 1939 г. согласилась начать экономические переговоры. Со своей стороны, стремясь подтолкнуть Варшаву к соглашению, А. Гитлер 12 января несколько минут побеседовал на дипломатическом приеме с советским полпредом, что стало сенсацией в дипломатических кругах. Тем самым Германия пыталась намеками на возможность дальнейшего развития контактов с Советским Союзом вынудить Великобританию, Францию и Польшу к уступкам. Вновь не добившись ясного ответа от Польши на свои предложения, Германия санкционировала передачу Закарпатья Венгрии, что вызвало недовольство Польши, но успокоило СССР, опасавшегося, что эта территория станет зародышем «Великой Украины»⁸.

Подписав соглашение с Великобританией о поставках угля, Германия 20 января уведомила Советский Союз о том, что в Москву 30 января прибудет германский представитель для ведения экономических переговоров. Стремясь поднять значение СССР в Европе, советская сторона 27 января инициировала проникновение сведений об этом в британскую печать. Опасаясь ухудшения отношений с Великобританией и Польшей, Германия 28 января заявила о переносе срока переговоров. Москва осталась недовольна тем, что Германия оглядывается на Великобританию и Францию, поскольку это подтверждало возможность возрождения «Пакта четырех». Правда, переговоры окончательно прерваны не были и вяло продолжались в последующие месяцы.

Уточнение тактики советской дипломатии, начавшееся с осени 1938 г., нашло свое выражение на страницах журнала «Большевик», где была опубликована статья В. Гальянова «Международная обстановка второй империалистической войны». Под этим псевдонимом выступил заместитель наркома иностранных дел СССР В. П. Потемкин. Статья дает общее представление о советской внешнеполитической доктрине, которая исходила из того, что Вторая мировая война уже началась, поскольку во второй половине 1930-х гг. был предпринят ряд военных акций, изменивших обстановку в мире. Эти события разделили главные капиталистические державы на агрессоров (Германия, Италия, Япония) и тех, кто попустительствует агрессии (Великобритания, Франция, США). Хотя это попустительство наносит ущерб интересам западных держав, оно является политикой, направленной на столкновение агрессоров и Советского Союза, который представляет собой оплот революции и социального прогресса. Великобритания и Франция идут на уступки Германии и Италии, поскольку опасаются краха существующих там режимов, на смену которым может прийти большевизм.

Анализируя международную ситуацию, автор показывал слабость и конфликтность германо-итало-японского блока, экспансия которого идет по пути

наименьшего сопротивления. Поэтому в первую очередь агрессоры угрожают интересам Великобритании, Франции и США, но не спешат портить отношения с СССР, хотя и ведут антисоветскую пропаганду. Германия будет и далее проводить политику шантажа и угроз, объектом которой на этот раз, скорее всего, станет Франция, сделавшая все, чтобы ослабить советско-французский договор 1935 г. Степень верности капиталистических стран своим обязательствам была продемонстрирована летом 1938 г., когда только Советский Союз был готов оказать помощь Чехословакии. По мере нарастания кризиса капитализма происходит усиление СССР, на стороне которого находятся симпатии всего прогрессивного человечества. Как отмечал автор, «фронт второй империалистической войны все расширяется. В него втягиваются один народ за другим. Человечество идет к великим битвам, которые развяжут мировую революцию». «Конец этой второй войны ознаменуется окончательным разгромом старого, капиталистического мира», когда «между двумя жерновами — Советским Союзом, грозно поднявшимся во весь свой исполинский рост, и несокрушимой стеной революционной демократии, восставшей ему на помощь, — в пыль и прах обращены будут остатки капиталистической системы»⁹.

Схожие идеи прозвучали в выступлении кандидата в члены политбюро ЦК ВКП (б) и первого секретаря Ленинградского обкома А. А. Жданова на ленинградской партийной конференции 3 марта 1939 г., в котором он, напомнив, что СССР является «державой самой сильной, самой независимой», заявил, что в силу этого фашизм — «это выражение мировой реакции, империалистической буржуазии, агрессивной буржуазии» — угрожает главным образом Великобритании и Франции. В этих условиях Великобритании очень хотелось бы, чтобы «Гитлер развязал войну с Советским Союзом», поэтому она старается столкнуть Германию и СССР, чтобы остаться в стороне, рассчитывая «чужими руками жар загребать, дожидаться положения, когда враги ослабнут, и забрать». По мнению Жданова, этот несложный маневр разгадан Москвой, которая будет «копить наши силы для того времени, когда расправимся с Гитлером и Муссолини, а заодно, безусловно, и с Чемберленом»¹⁰.

Эти материалы важны тем, что они дополняют характеристику международной ситуации, данную И. В. Сталиным в отчетном докладе ЦК ВКП (б) XVIII съезду партии 10 марта, в котором были сформулированы задачи советской внешней политики в условиях начала новой империалистической войны и стремления Великобритании, Франции и США направить германо-японскую агрессию против СССР. Советский Союз должен был «проводить и впредь политику мира и укрепления деловых связей со всеми странами; соблюдать осторожность и не давать втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны,

привыкшим загребать жар чужими руками; всемерно укреплять боевую мощь» своих вооруженных сил и «крепить международные связи дружбы с трудящимися всех стран, заинтересованными в мире и дружбе между народами». Из контекста речи становится ясно, что «поджигателями» войны являются страны, проводящие политику невмешательства: Великобритания, Франция и США¹¹. В этих условиях стратегической целью советского руководства продолжало оставаться использование противоречий между великими державами для дальнейшего усиления своего влияния в мире с перспективой окончательного решения вопроса о существовании капиталистического общества.

В середине марта 1939 г. США, СССР, Великобритания и Франция располагали сведениями о подготовке Германии к оккупации Чехословакии, но державы-участники Мюнхенского соглашения не предусматривали никаких мер противодействия¹². 14 марта Словакия под давлением Германии провозгласила независимость, а 15 марта германские войска вступили в Чехию, на территории которой был создан Протекторат Богемия и Моравия. Первоначально реакция Великобритании и Франции была довольно сдержанной, но по мере возбуждения общественного мнения они ужесточили свою позицию и 18 марта, как и СССР, выразили протест действиями Германии, из Берлина были отозваны «для консультаций» британский и французский послы. США также не признали аннексии и заморозили чехословацкие активы в своих банках. То же формально сделала и Великобритания, но чехословацкое золото было тайно возвращено в Прагу¹³.

Слухи об угрозе германского нападения на Румынию дали Великобритании повод 18 марта запросить Советский Союз, Польшу, Грецию, Югославию и Турцию об их действиях в случае германского удара по Румынии. В свою очередь эти страны запросили Лондон о его намерениях, а Москва предложила созвать для обсуждения ситуации конференцию с участием СССР, Великобритании, Франции, Польши, Румынии и Турции. 21 марта Великобритания выдвинула контрпредложение о подписании англо-франко-советско-польской декларации о консультациях в случае агрессии. Обсуждение этого предложения Лондона выявило, что Польша и Румыния не хотят подписывать документ, если под ним будет стоять подпись советского представителя. В свою очередь Москва, опасаясь толкнуть Варшаву в объятия Берлина, не собиралась подписывать этот документ без участия Польши. В итоге к концу марта 1939 г. вопрос о декларации отпал¹⁴.

Тем временем 21 марта Германия вновь предложила Польше решить вопрос о передаче Данцига и о «польском коридоре» в обмен на присоединение к Антикоминтерновскому пакту с перспективой антисоветских действий. Для переговоров в Берлин был приглашен Ю. Бек. В ходе германо-польских

контактов из Берлина раздавались предложения обменять «польский коридор» на Литву и Латвию¹⁵. Ожидая ответа из Варшавы, германское руководство все еще надеялось для достижения своей цели ограничиться дипломатическим давлением. 22 марта был подписан германо-литовский договор о передаче Мемеля (Клайпеды) Германии и о ненападении¹⁶. 23 марта были подписаны германо-словацкий договор о гарантии и охране и германо-румынское экономическое соглашение, значительно укрепившие влияние Германии в Центральной и Юго-Восточной Европе¹⁷.

Тем временем с конца февраля 1939 г. польское командование приступило к разработке конкретного плана войны с Германией. 23 марта Польша предложила Великобритании соглашение о консультациях в случае угрозы агрессии. В тот же день в польской армии была проведена мобилизация четырех пехотных дивизий и одной кавалерийской бригады, усилены соединения в ряде округов и созданы управления четырех армий и одной оперативной группы¹⁸. Одновременно польская пресса начала шумную антигерманскую кампанию¹⁹. В 10 часов утра 24 марта начальник 2-го отдела польского генштаба передал советскому военному атташе официальное сообщение: «В связи с событиями в Европе польское командование приняло соответствующие меры к усилению военной готовности армии и страны. Это усиление армии следует рассматривать как мероприятия к обеспечению своих границ. Все эти мероприятия ни в коем случае не направлены против СССР»²⁰. Вместе с тем Берлину было сообщено, что Варшава остается противником привлечения Москвы к решению европейских проблем²¹.

25 марта А. Гитлер заявил главнокомандующему сухопутными войсками генерал-полковнику В. фон Браухичу, что, хотя он не собирается в ближайшее время «решать польский вопрос», его следует разрабатывать. Не желая быть младшим партнером Третьего рейха, Польша 26 марта окончательно отказалась принять германское предложение о территориальном урегулировании, а 28 марта заявила, что изменение статус-кво в Данциге будет рассматриваться как нападение на Польшу. В этих условиях германское руководство стало склоняться к военному решению польского вопроса. 28 марта СССР заявил о своих интересах в Эстонии и Латвии²². Тем временем в ходе начавшихся 27 марта военных переговоров Великобритания и Франция договорились, что в случае войны они будут вести оборонительные операции и экономическую блокаду Германии, действия ВВС ограничатся только военными объектами, а варианты помощи Польше даже не рассматривались²³. Пытаясь не допустить перехода Польши в лагерь Германии, добиться ее согласия на гарантию границ Румынии и сдержать германскую экспансию, Великобритания 31 марта пошла на односторонние гарантии независимости Польши. При этом Лондон

не отказался от содействия германо-польскому урегулированию. Однако Польша все же отказалась дать гарантии границ Румынии, полагая, что западная поддержка позволит и дальше лавировать между Берлином и Москвой.

1 апреля Берлин пригрозил расторгнуть англо-германское военно-морское соглашение 1935 г., если Лондон не прекратит политику «окружения Германии». В тот же день СССР уведомил Великобританию, что, поскольку вопрос о декларации отпал, «мы считаем себя свободными от всяких обязательств». На вопрос, намерена ли Москва впредь помогать жертвам агрессии, был дан ответ, «что, может быть, помогать будем в тех или иных случаях, но что мы считаем себя ничем не связанными и будем поступать сообразно своим интересам»²⁴. 1–2 апреля в ходе контактов с польским послом в Москве советская сторона вновь убедилась в том, что Польша не готова к антигерманскому сотрудничеству²⁵. 4 апреля было опубликовано сообщение ТАСС, в котором указывалось, что, вопреки заявлениям французских газет, Советский Союз не брал на себя обязательств «в случае войны снабжать Польшу военными материалами и закрыть свой сырьевой рынок для Германии»²⁶. В тот же день, информируя советского полпреда в Германии об общих принципах советской политики, нарком М. М. Литвинов отметил, что «задержать и приостановить агрессию в Европе без нас невозможно, и чем позднее к нам обратятся за нашей помощью, тем дороже нам заплатят»²⁷. В ходе беседы с Литвиновым 4 апреля польский посол в Москве В. Гжибовский высказал мысль, что «когда нужно будет, Польша обратится за помощью к СССР». В ответ Литвинов вполне здраво заметил, что «она может обратиться, когда уже будет поздно», и для советской стороны «вряд ли приемлемо положение общего автоматического резерва»²⁸. Тем самым польскому послу давали понять, что вопрос о советской помощи следует согласовать заранее.

4–6 апреля в ходе англо-польских переговоров стороны дали друг другу взаимные гарантии независимости, а также «было достигнуто согласие, что вышеупомянутая договоренность не помешает ни одному из правительств заключать соглашение с другими странами в общих интересах укрепления мира»²⁹. Польское руководство было уверено, что нормализация советско-германских отношений невозможна, и надеялось, что англо-польское сближение укрепит франко-польский союз и заставит Германию нормализовать отношения с Великобританией и Польшей. Однако, по мнению Берлина, сближение Варшавы с Лондоном свидетельствовало о нарастании неуступчивости Польши и требовало именно военного решения этой проблемы. Двойная игра Великобритании и Франции в отношении Германии также убеждала германское руководство в незначительном риске в случае войны с Польшей³⁰. 5 апреля Германия усилила дипломатическое давление на Польшу. Од-

новременно в соответствии с утвержденной А. Гитлером 11 апреля «Директивой о единой подготовке вооруженных сил к войне на 1939–1940 гг.» началось конкретное военное планирование. Теперь Германия была озабочена локализацией будущего конфликта и 11 апреля зондировала Советский Союз на предмет улучшения отношений, но советская сторона предпочла занять выжидательную позицию.

В тот же день Великобритания запросила СССР, чем он может помочь, в случае необходимости, Румынии. 11 апреля в письме советскому полпреду во Франции М. М. Литвинов отметил, что Лондон и Париж стремятся получить от Москвы одностороннее обязательство защищать Польшу и Румынию, полагая, что поддержка этих стран отвечает советским интересам. «Но мы свои интересы всегда сами будем сознавать и будем делать то, что они нам диктуют. Зачем же нам заранее обязываться, не извлекая из этих обязательств решительно никакой выгоды для себя?». Нарком выразил озабоченность британскими гарантиями Польше, которые могли в определенных условиях принять антисоветскую направленность³¹. 13 апреля Франция подтвердила франко-польский союзный договор 1921 г., а 14 апреля предложила СССР обменяться письмами о взаимной поддержке в случае нападения Германии на Польшу и Румынию на основе советско-французского договора о взаимопомощи 1935 г. Одновременно Париж приглашал Москву внести собственное предложение о сотрудничестве. В тот же день Великобритания предложила Советскому Союзу заявить о поддержке своих западных соседей в случае нападения на них. 17 апреля Москва предложила Лондону и Парижу заключить договор о взаимопомощи и выразила дипломатический протест Берлину, который после оккупации Чехии стал препятствовать выполнению советских военных заказов чешскими предприятиями. При этом стороны прозондировали намерения друг друга³². В тот же день Польша и Румыния подтвердили, что их союзный договор направлен только против СССР³³.

18 апреля польская сторона довела до сведения Германии, что она «может быть уверена, что Польша никогда не позволит вступить на свою территорию ни одному солдату Советской России». Тем самым Польша вновь доказывала, что «она является европейским барьером против большевизма» и окажет влияние на Великобританию, чтобы та не пошла на соглашение с Советским Союзом без учета интересов Варшавы³⁴. 22 апреля В. Гжибовский сообщил М. М. Литвинову, что Польша отклонила германские предложения, «ни в коем случае не допустит влияния Германии» на свою внешнюю политику и, как и СССР, заинтересована в независимости государств Прибалтики³⁵.

25 апреля Париж предложил Москве взять на себя обязательство помочь Великобритании и Франции в случае их вступления в войну и тем самым обеспечить себе англо-французскую поддержку. 29 апреля Париж уточнил свое предложение в том

смысле, что в случае вступления Великобритании, Франции или Советского Союза в войну с Германией они обязуются помогать друг другу³⁶. Тем временем 26 апреля Лондон неофициально уведомил Берлин, что советское предложение принято не будет³⁷. 28 апреля Германия расторгла англо-германское морское соглашение 1935 г. и договор о ненападении с Польшей 1934 г., заявив при этом о готовности к переговорам о новом соглашении. 30 апреля германская сторона неофициально информировала Францию, что либо Лондон и Париж убедят Польшу пойти на компромисс, либо Берлин будет вынужден наладить отношения с Москвой³⁸.

Естественно, советское руководство тщательно отслеживало развитие событий на международной арене и, в частности, позицию Варшавы. Так же как и Великобритания, СССР старался избегать всего, что могло бы толкнуть Польшу на уступки Германии. Вместе с тем, Москва негативно оценивала нежелание Варшавы взаимодействовать с Советским Союзом в коллективных действиях против агрессии³⁹. 29 апреля М. М. Литвинов предостерег польскую сторону от уступок Берлину и указал на антисоветскую направленность польско-румынского союзного договора⁴⁰. Однако Польша вновь подтвердила Румынии, что ее принципиальное отношение к Советскому Союзу не изменилось⁴¹. Понятно, что СССР, стремившийся вернуться в Европу в качестве великой державы, гораздо больше внимания уделял начавшимся в середине апреля 1939 г. переговорам с Великобританией и Францией о договоре о взаимопомощи и контактам с Германией⁴², играя на противоречиях которых, можно было, по мнению советского руководства, обеспечить свои интересы.

3 мая, когда стало ясно, что Великобритания и Франция не приняли советское предложение, вместо М. М. Литвинова народным комиссаром иностранных дел был назначен В. М. Молотов, сохранивший и пост председателя СНК СССР⁴³. Отставка Литвинова была положительно воспринята не только в Берлине, но и в Варшаве. Уже 5 мая Германия заявила об удовлетворении требований Советского Союза относительно возобновления поставок из Чехии. В тот же день, выступая в Сейме, Ю. Бек заявил о готовности к равноправным переговорам с Германией. Фактически этот ответ на выступление А. Гитлера означал новый отказ Варшавы от германских предложений, поскольку они содержали «недостаточные компенсации»⁴⁴. Это выступление было негативно воспринято в Берлине, где был сделан вывод о том, что Польшу не удастся разложить изнутри, как Чехословакию. Вместе с тем до сведения Германии было доведено, что выступление Бека — «это только дипломатическая игра», т. к. Польша не может согласиться на передачу Данцига Германии, иначе правительство потеряет власть над страной. Более того, англо-французские гарантии вовсе не меняют польскую политику в отношении Германии.

«Если бы Польша... вступила в соглашение с Советским Союзом, то тогда и только тогда имелись бы основания для утверждения об изменении внешней политики. Но Польша отказывалась участвовать в такой комбинации в прошлом и продолжает делать это теперь». Просто в данный момент Бек, стараясь удержаться у власти, не мог открыто продолжать политику сотрудничества с Германией⁴⁵.

8 мая В. М. Молотов вызвал В. Гжибовского и, ознакомив с советскими предложениями Великобритании и Франции, задал ему вопрос, «что в них плохого для Польши и правда ли, что Польша является одним из главных противников этих предложений». В ходе беседы выяснилось, что польская сторона выступает против того, «чтобы англо-польское соглашение истолковывалось как направленное исключительно против Германии». На это Молотов заявил, что для советской стороны неприемлемо «такое положение, когда, с одной стороны, дело идет об участии СССР в гарантиях для Польши, а с другой стороны, заключено англо-польское соглашение о взаимопомощи, которое может быть истолковано как направленное, между прочим, и против СССР». Предложение же «о придании польско-румынскому договору 1926 г. общего характера, направленного против всякой агрессии, или же об аннулировании этого договора» вызвало упреки Гжибовского относительно «навязывания чужой воли»⁴⁶. 8 мая в Москву поступил британский ответ на советское предложение трехстороннего пакта, в котором Советскому Союзу предлагалось помочь Великобритании и Франции, если они вступят в войну в силу взятых на себя обязательств в отношении Польши и Румынии. По мнению британского руководства, союз с СССР перекрыл бы путь к англо-германской договоренности, что могло привести к войне, а этого Лондон стремился избежать, поэтому британское предложение не содержало упоминаний о помощи Москве⁴⁷.

10 мая германское руководство решило активизировать зондажи СССР, но в ходе контактов 9, 15 и 17 мая советская сторона отмечала, что именно от Берлина зависит улучшение двусторонних отношений. Тем временем новые советско-польские контакты показали, что Варшава не собирается менять свою политику в отношении Москвы. Уже 11 мая польская сторона заявила Советскому Союзу, что не поручала Франции вести с кем-либо переговоры о гарантиях Польше и «не считает возможным заключение пакта о взаимопомощи с СССР ввиду практической невозможности оказания помощи Советскому Союзу со стороны Польши». Вместе с тем, Варшава была не против заключения англо-франко-советского договора о взаимопомощи, но не желала получать какие-либо гарантии от СССР. Однако польский посол в Москве старался создать впечатление, что в будущем политика Польши может и измениться⁴⁸.

11 мая в передовой статье газеты «Известия» анализировались изменения международной ситуа-

ции в последние недели. По мнению газеты, остановить агрессию может только союз Великобритании, Франции и СССР, но эта позиция советского руководства не находит поддержки в Лондоне и Париже, которые не хотят равноправного договора с Москвой. В статье утверждалось, что Советский Союз не имеет пактов о взаимопомощи ни с Великобританией, ни с Францией, ни с Польшей⁴⁹. 14 мая советская сторона вновь предложила своим западным партнерам заключить договор о взаимопомощи с военной конвенцией и дать гарантии малым странам Центральной и Восточной Европы. В тот же день Великобритания неофициально предложила Германии углубить экономические переговоры⁵⁰.

17 мая по разведывательным каналам Москва получила информацию о намерениях Германии разгромить Польшу, если та не примет германские предложения, и «добиться нейтралитета» СССР⁵¹. Советское руководство было заинтересовано в ее проверке и в отслеживании германо-польских отношений, в которых в 20-х числах мая возникла видимость готовности Варшавы к соглашению. Поэтому советский посол в Варшаве Н. И. Шаронов провел 25 мая и 2 июня беседы с Ю. Бекком, в ходе которых убедился в том, что Польша согласится только на почетные предложения со стороны Германии, но на уступки, затрагивающие ее независимость, она не пойдет. Со своей стороны Шаронов, предостерегая Польшу от уступок Германии, вновь напомнил о готовности договориться о размерах советской помощи⁵². 30 мая Бек заявил, что «следовало бы еще раз сделать попытку разумного компромисса» с Германией⁵³. Советская сторона прекрасно понимала, что Польша ищет соглашения с Германией, которое не выглядело бы «как капитуляция»⁵⁴, а также и то, что по мере углубления кризиса шансы Советского Союза получить более приемлемые предложения от заинтересованных сторон будут только возрастать.

Тем временем в мае 1939 г. Польша предложила Франции подписать декларацию о том, что «Данциг представляет жизненный интерес для Польши», но Париж уклонился от этого. 14–19 мая в ходе франко-польских переговоров о военной конвенции Франция обещала поддержать Варшаву в случае угрозы Данцигу и при нападении Германии на Польшу «начать наступление против Германии главными силами своей армии на 15-й день мобилизации». Правда, подписание соглашения было отложено до заключения политического договора. Англо-польские переговоры 23–30 мая привели к тому, что Лондон обещал в случае войны предпринять воздушные бомбардировки Германии силами не менее 1300 боевых самолетов. Это было заведомым обманом, поскольку никаких наступательных действий на западе Германии англо-французское командование не предусматривало вообще⁵⁵. Еще 4 мая Великобритания и Франция договорились, что «судьба Польши будет определяться общими результатами войны, а последние в свою

очередь, будут зависеть от способности западных держав одержать победу над Германией в конечном счете, а не от того, смогут ли они ослабить давление Германии на Польшу в самом начале»⁵⁶. Более того, уже 20–25 мая Лондон предложил Парижу план передачи Данцига Германии⁵⁷. 27 мая Великобритания обратилась к Польше с просьбой в случае обострения ситуации вокруг Данцига не предпринимать никаких действий без консультации с Лондоном и Парижем. 30 мая Варшава ответила согласием, но указала, что возможна ситуация, когда будут необходимы быстрые действия⁵⁸.

20 мая германская сторона предложила СССР возобновить экономические переговоры, а советская сторона намекнула на необходимость подведения под советско-германские отношения «политической базы», то есть предложила Германии внести конкретные предложения. В тот же день Берлин получил из Лондона сведения о трудностях на англо-франко-советских переговорах, а Франция зондировала Германию на предмет улучшения отношений. Поэтому 21 мая германское руководство решило не торопить события в Москве. 24 мая Великобритания решила какое-то время поддерживать переговоры с Советским Союзом, и 27 мая Москва получила новые англо-французские предложения, предусматривавшие заключение договора о взаимопомощи на 5 лет, консультации в случае необходимости, но упоминавшие Лигу наций. Этот шаг Великобритании, в свою очередь, подтолкнул Германию 30 мая вновь попытаться уточнить в Москве, что означает фраза о «политической базе», но советская сторона предпочла занять позицию выжидания⁵⁹.

Тем временем 7 мая был парафирован, а 22 мая подписан «Стальной пакт» между Германией и Италией. 23 мая, выступая перед военными, А. Гитлер четко обозначил основную проблему германской внешней политики — стремление вернуться в число «могущественных государств», для чего требовалось расширить «жизненное пространство» и создать продовольственную базу на востоке Европы на случай дальнейшей борьбы на западе. С этой проблемой был тесно связан вопрос о позиции Польши, которая не могла служить серьезным барьером против большевизма и являлась традиционным врагом Германии. Поэтому следовало «при первом же подходящем случае напасть на Польшу», обеспечив нейтралитет Великобритании и Франции⁶⁰.

31 мая в выступлении В. М. Молотова на III сессии Верховного Совета СССР прозвучала критика позиции Великобритании и Франции, которые на переговорах с Москвой лишь демонстрировали уступки и не хотели давать гарантии государствам Прибалтики. Поэтому «пока нельзя даже сказать, имеется ли у этих стран серьезное желание отказаться от политики невмешательства, от политики непротивления дальнейшему развёртыванию агрессии. Не случится ли так, что имеющееся стремление

этих стран к ограничению агрессии в одних районах не будет служить прикрытием к развязыванию агрессии в других районах?». Советскому Союзу следовало соблюдать осторожность и не дать втянуть себя в войну. В этих условиях, отметил Молотов, «мы вовсе не считаем необходимым отказываться от деловых связей» с Германией и Италией, не исключено, что германо-советские экономические переговоры могут возобновиться⁶¹. Тем самым Москва стремилась оказать давление как на Великобританию и Францию, так и на Германию.

2 июня возобновились советско-германские экономические контакты, а Москва вручила Лондону и Парижу новый проект договора. Эстония и Латвия высказались против гарантий их независимости со стороны Великобритании, Франции и СССР и 7 июня заключили с Германией договоры о ненападении. 6–7 июня Великобритания и Франция высказались в пользу соглашения с Советским Союзом, а Париж сообщил Москве, что Польша не против англо-франко-советского договора, но «быть четвертым не хочет, не желая давать аргументы Германии», и «надеется на расширение торговли с СССР»⁶². 8 июня Москва согласилась на предложение Берлина возобновить экономические переговоры. Советская сторона вновь намекала на необходимость создания «политической базы», ожидая, что Германия сделает конкретное предложение, но Берлин не спешил.

9 июня Варшава уведомила Лондон, что «не может согласиться на упоминание Польши в англо-франко-советском договоре о взаимопомощи. Принцип оказания Советским Союзом помощи государству, подвергнутому нападению, даже без согласия этого последнего мы считаем в отношении Польши недопустимым, в отношении же прочих государств — опасным нарушением стабилизации и безопасности в Восточной Европе. Установление объема помощи Советов, по нашему мнению, возможно единственно путем переговоров между государством, подвергнувшись нападению, и СССР»⁶³. Понятно, что подобные заявления не улучшали советско-польских отношений. Если в ходе торговых переговоров в начале 1939 г. Польша не пошла на урегулирование вопроса о транзите, и он был отложен на будущее, то теперь советская сторона 9 июня отказалась от его обсуждения⁶⁴. Убедившись в нежелании Варшавы идти на соглашение, советская сторона вернулась к традиционной политике, направленной на недопущение германо-польского сближения.

12 июня Москва уведомила Лондон, что без гарантий государствам Прибалтики не пойдет на подписание договора. 13 июня Великобритания зондировала Германию на предмет переговоров по вопросам свертывания гонки вооружений, экономического соглашения и колоний. 14 июня в Москву прибыл заведующий отделом Центральной Европы МИД Великобритании У. Стрэнг, получивший задание затягивать переговоры, избегая вместе с тем создавать

впечатление, что Лондон настроен против соглашения. На следующий день советской стороне был передан новый британский проект, и англо-франко-советские переговоры стали более регулярными. 16 июня СССР вновь предложил Великобритании и Франции дать гарантии государствам Прибалтики или заключить тройственный договор без гарантий третьим странам⁶⁵.

14 июня советский полпред в Берлине в беседе с болгарским послом получил сведения о тех проблемах, которые Берлин, вероятно, будет готов обсудить с Москвой. Экономические консультации 17 и 25 июня завершились неудачей, поскольку Германия посчитала советские требования слишком высокими. 21 июня последовало новое англо-французское предложение СССР, в ответ на которое Москва 22 июня вновь предложила заключить простой трехсторонний договор. 26 июня от итальянских дипломатов советская сторона узнала о наличии «плана Шуленбурга», предполагавшего поэтапное улучшение советско-германских отношений на основе германского содействия нормализации советско-японских отношений, заключения пакта о ненападении или гарантий Прибалтике и заключения широкого торгового соглашения. 27 июня Великобритания вновь зондировала Германию на предмет переговоров. 28 июня Берлин в очередной раз заявил о необходимости нормализации советско-германских отношений, но Москва так и не услышала конкретных предложений, поскольку Гитлер запретил торопить события⁶⁶.

29 июня в газете «Правда» появилась статья члена политбюро ЦК ВКП (б) А. А. Жданова, в которой отмечалось, что англо-франко-советские переговоры «зашли в тупик», поскольку Великобритания и Франция «не хотят равного договора с СССР». Именно Лондон и Париж затягивают переговоры, что «позволяет усомниться в искренности» этих стран, не желающих дать гарантии государствам Прибалтики и стремящихся возложить на Советский Союз «всю тяжесть обязательств». Скорее всего, Великобритания и Франция хотят «лишь разговоров о договоре» с тем, чтобы облегчить себе путь для сделки с агрессором. Естественно, что без учета советских интересов Москва не пойдет на подписание договора, поскольку «не хочет быть игрушкой в руках людей, любящих загребать жар чужими руками»⁶⁷. В тот же день в выступлении министра иностранных дел Великобритании Э. Галифакса прозвучала мысль о возможности переговоров с Германией по вопросам, которые «внушают миру тревогу». К этим вопросам он отнес «колониальную проблему, вопрос о сырье, торговых барьерах, «жизненном пространстве», об ограничении вооружений и многое другое, что затрагивает европейцев»⁶⁸.

В апреле–июне 1939 г. в Германии был разработан конкретный план операции против Польши, для чего намечалось выделить 40 пехотных дивизий, 4 легкие,

3 горнострелковые, 6 танковых, 4 моторизованные дивизии и 1 кавалерийскую бригаду⁶⁹. Еще в мае 1939 г. были приведены в боевую готовность управления шести армий, 11 армейских корпусов и 24 дивизии. Готовя операцию против Польши, германское командование исходило из того, что Великобритания и Франция не вмешаются в германо-польскую войну. Однако, вопрос о том, будет ли их вмешательство полностью исключено, так и не был решен. Поэтому для прикрытия западной границы Германии на недостроенной «линии Зигфрида» планировалось развернуть 31 пехотную дивизию. Продолжая политику изоляции Польши на международной арене, германское руководство решило тщательно маскировать свои военные приготовления, чтобы не дать Великобритании и Франции повода для ускорения их военной подготовки.

Начавшееся в марте 1939 г. оформление англо-франко-польской коалиции привело к тому, что польское военное планирование основывалось на расчете, что Великобритания и Франция поддержат Польшу в войне с Германией. Поэтому перед польской армией ставилась задача упорной обороной обеспечить мобилизационное развертывание и сосредоточение своих войск, а потом перейти в контрнаступление, поскольку считалось, что к этому сроку Великобритания и Франция заставят Германию оттянуть свои войска на запад. Для осуществления этого плана следовало развернуть 7 армий, 3 оперативные группы и корпус вторжения в составе 39 пехотных дивизий, 3 горнострелковых, 11 кавалерийских, 10 пограничных и 2 бронемоторизованных бригад. Однако в ходе очередных англо-французских военных переговоров в июне 1939 г. было решено, что союзники не будут помогать Польше, постараются удержать Италию от вступления в войну и не станут предпринимать контрударов по Германии. Также Великобритания отказалась поставлять в Польшу новейшую технику, а просимый Варшавой кредит был урезан с 50 до 8 млн фунтов стерлингов⁷⁰.

1 июля в ходе переговоров с Советским Союзом Великобритания и Франция согласились дать гарантии государствам Прибалтики, предложили перенести список гарантируемых держав в секретный протокол и дали свою формулировку «косвенной агрессии». В тот же день Москва намекнула Берлину, что «ничто не мешает Германии доказать серьезность своего стремления улучшить свои отношения с СССР»⁷¹. 3 июля Советский Союз отказался дать гарантии Нидерландам, Люксембургу и Швейцарии, поставив условием гарантий заключение двусторонних договоров с Польшей и Турцией, и выдвинул свою формулировку «косвенной агрессии». В тот же день Берлин предложил Москве договориться о будущих судьбах Польши и Литвы. 4 июля СССР информировал Италию, что пойдет на договор с Великобританией и Францией только тогда, когда они примут все советские условия, и вновь заявил,

«что ничто не мешает германскому правительству доказать на деле серьезность и искренность своего стремления улучшить отношения с СССР»⁷². 7 июля Германия решила возобновить экономические контакты с Советским Союзом на советских условиях, о чем 10 июля было заявлено Москве. 8 июля Великобритания и Франция отметили, что договор в целом согласован, но началась дискуссия по советскому определению «косвенной агрессии», которое 9 июля было еще более расширено. 10 июля Великобритания решила попытаться достичь компромисса с СССР на базе взаимных уступок, но «обеспечить свободу рук, чтобы можно было заявить России, что мы не обязаны вступать в войну, так как мы не согласны с ее интерпретацией фактов». Однако выяснилось, что Москва не идет на уступки по этому вопросу и настаивает на одновременном заключении политического договора и военной конвенции, хотя и согласна на парафирование договора⁷³.

Весной–летом 1939 г. Великобритания и Франция старались найти приемлемую основу соглашения с Германией, используя для давления на Берлин угрозу сближения с Советским Союзом. При этом они не желали иметь Москву в качестве равноправного партнера. Как откровенно заявил 4 июля британский министр иностранных дел Э. Галифакс, «наша главная цель в переговорах с СССР заключается в том, чтобы предотвратить установление Россией каких-либо связей с Германией»⁷⁴. Не случайно, в конце июля 1939 г. Великобритания довела до сведения Германии, что переговоры с другими странами «являются лишь резервным средством для подлинного примирения с Германией, и что эти связи отпадут, как только будет действительно достигнута единственно важная и достойная усилий цель — соглашение с Германией»⁷⁵. Понятно, что Великобритания и Франция не собирались соглашаться с тем, что Советский Союз наряду с ними получит право определять, когда Германия действует как агрессор. Именно этим и объяснялась бесплодная дискуссия по вопросу об определении «косвенной агрессии». В итоге взаимной подозрительности и неуступчивости сторон англо-франко-советские переговоры к середине июля 1939 г. фактически провалились.

Опасаясь англо-германо-японского сговора, СССР пошел на уступки в ходе возобновившихся с 18 июля в Берлине экономических переговоров. 19 июля британское руководство решило никогда не признавать советской формулировки «косвенной агрессии», но пойти на военные переговоры для того, чтобы затруднить советско-германские контакты и усилить позицию Великобритании в отношении Германии. Считалось, что военные переговоры позволят не допустить советско-германского сближения и затянуть время до осени, когда Германия в силу погодных условий не решится начать войну. Франция более осторожно отнеслась к военным переговорам до заключения политического соглашения. Выполняя

задачу изоляции Польши, Германия 22 июля решила возобновить политический зондаж СССР, который в тот же день заявил о возобновлении экономических переговоров с Берлином. 23 июля в очередной беседе с англо-французскими представителями Молотов отметил, что «три правительства уже достигли достаточного согласия по основным вопросам, чтобы перейти к изучению конкретных военных проблем». 25 июля Лондон и Париж сообщили Москве о согласии на предложенные ею военные переговоры⁷⁶.

Тем временем продолжались неофициальные англо-германские контакты. 10 июля в Берлине стало известно, что британское правительство придерживается курса на компромисс с Германией. Этот вывод подтверждался беседами Г. Вольтата с Р. Хадсоном и Г. Вильсоном 18, 20–21 июля, в ходе которых Великобритания предложила Германии широкую программу политического (отказ от агрессии в международных делах, взаимное невмешательство), экономического (вопросы снабжения сырьем, торговой, валютной политики и колоний) и военного (взаимное ограничение вооружений) сотрудничества, что позволило бы достичь главной цели британского руководства — умиротворить Германию и обеспечить стабильность в Европе.

Понятно, что на фоне столь щедрых британских предложений компромисса заявления Лондона о поддержке Польши в случае войны не воспринимались в Берлине всерьез. Со своей стороны Германия предложила Великобритании раздел сфер влияния в мире, потребовала возврата колоний и отмены Версальского договора. Но 21 июля об этих контактах узнала Франция и, опасаясь англо-германского сближения за свой счет, передала эти сведения в прессу. Появившиеся 24 июля публикации не добавили доверия Великобритании со стороны ее партнеров. Несмотря на шумиху в прессе, 29 июля Великобритания вновь неофициально предложила Германии раздел «сфер интересов» и невмешательство в дела друг друга. Со своей стороны Великобритания прекращала бы переговоры с СССР, а Германия согласилась бы на сотрудничество с Великобританией, Францией и Италией, предоставление автономии Протекторату Богемии и Моравии и на всеобщее сокращение вооружений. В ходе франко-германской переписки в июле 1939 г. Франция неоднократно заявляла, что поддержит Польшу в случае нападения на нее, но при этом конфиденциально проинформировала Германию, что эти заявления предназначаются лишь для успокоения французской и польской общественности⁷⁷.

24 июля Германия в очередной раз зондировала СССР, предлагая учесть советские интересы в Прибалтике и Румынии в обмен на отказ Москвы от договора с Великобританией. 26 июля Германия предложила Советскому Союзу согласовать интересы в Восточной Европе. 27 июля Великобритания, Франция и СССР оговорили подготовительный период для военных переговоров в 8–10 дней, но компромиссная

формула по «косвенной агрессии» так и не была найдена, а советская сторона отказалась опубликовать коммюнике о согласовании политического договора. 29 июля Москва высказалась за улучшение отношений с Германией и пожелала узнать германские предложения поподробнее. Опасаясь неблагоприятного для себя исхода военных переговоров в Москве, Берлин увеличивал ставки, думая о разделе Польши и Прибалтики. 31 июля в британском парламенте от имени правительства было заявлено, что соглашение об определении «косвенной агрессии» не было достигнуто, так как СССР якобы предлагал формулу, посягающую на независимость государств Прибалтики. 2 августа было опубликовано сообщение ТАСС с опровержением этого заявления. В тот же день советская сторона выразила свое недовольство и по дипломатическим каналам, а Великобритания и Франция предложили, чтобы в случае возникновения не подпадающих под их определение обстоятельств, они стали бы поводом для проведения консультаций между договаривающимися сторонами⁷⁸.

Будучи вынужденными согласиться на ведение военных переговоров с Советским Союзом до заключения политического договора, Великобритания и Франция стремились использовать их для дальнейшего давления на Германию, чтобы склонить ее к компромиссу. Не случайно состав англо-французских военных делегаций был не слишком представительным, а их инструкции предусматривали, что «до заключения политического соглашения делегация должна... вести переговоры весьма медленно, следя за развитием политических переговоров»⁷⁹. Французская делегация имела полномочия только на ведение переговоров, а британская делегация вообще не имела письменных полномочий⁸⁰. Британское правительство не желало в результате переговоров с СССР «быть втянутым в какое бы то ни было определенное обязательство, которое могло бы связать нам руки при любых обстоятельствах. Поэтому в отношении военного соглашения следует стремиться к тому, чтобы ограничиваться сколь возможно более общими формулировками»⁸¹. Таким образом, для англо-французской стороны речь шла о ведении бесплодных переговоров, которые следовало затянуть на максимально долгий срок, что могло, по мнению Лондона и Парижа, удержать Германию от начала войны в 1939 г. и затруднить возможное советско-германское сближение.

Со своей стороны советское руководство, будучи в целом осведомлено о подобных намерениях Великобритании и Франции, назначило представительную военную делегацию, обладавшую всеми возможными полномочиями. Были разработаны варианты военного соглашения, которые можно было смело предлагать партнерам, не опасаясь, что они будут приняты. 7 августа был разработан четкий «сценарий» ведения военных переговоров. Прежде всего, следовало выяснить полномочия сторон «на

подписание военной конвенции». «Если не окажется у них полномочий на подписание конвенции, выразить удивление, развести руками и «почтительно» спросить, для каких целей направило их правительство в СССР. Если они ответят, что они направлены для переговоров», то следовало выяснить их взгляды на совместные действия Великобритании, Франции и Советского Союза в войне. Если же переговоры все-таки начнутся, то их следовало «свести к дискуссии по отдельным принципиальным вопросам, главным образом о пропуске наших войск через Виленский коридор и Галицию, а также через Румынию», выдвинув этот вопрос в качестве условия подписания военной конвенции. Кроме того, следовало отклонять любые попытки англо-французских делегаций ознакомиться с оборонными предприятиями СССР и воинскими частями Красной армии⁸². В этих условиях военные переговоры были обречены на провал и использовались сторонами для давления на Германию.

Тем временем 2–3 августа Германия вновь предложила улучшить отношения с Советским Союзом на базе разграничения интересов сторон в Восточной Европе, но уклонилась от внесения конкретного предложения. По мнению Берлина, следовало заключить экономическое соглашение, расширить культурно-научный обмен и перейти к дружественным политическим отношениям. 4 августа Москва согласилась продолжить обмен мнениями с Германией, но прежде следовало подписать экономический договор. 2 августа на переговорах с Великобританией и Францией СССР вновь подтвердил свою неизменную позицию по определению «косвенной агрессии», а 7 августа У. Стрэнг уехал из Москвы, что означало окончание политических переговоров. 8–10 августа Советский Союз получил сведения о том, что интересы Германии распространяются на Литву, Западную Польшу, Румынию без Бессарабии, но, в случае договоренности с Берлином, Москва должна будет отказаться от договора с Великобританией и Францией. 11 августа советское руководство согласилось на постепенные переговоры по этим проблемам в Москве. 13 августа Германия уведомила СССР, что согласна вести переговоры в Москве, но просила ускорить их начало⁸³.

3 августа Великобритания вновь предложила Германии заключить договор о ненападении, соглашение о невмешательстве и начать переговоры по экономическим вопросам. При этом Германия должна была не допустить нового витка напряженности в Европе⁸⁴. Это было самое щедрое предложение Лондона, открывавшее перед Германией широкие перспективы, которое также усилило в Берлине мнение, что Великобритания не выступит в поддержку Польши. Однако германское руководство посчитало, что это, скорее всего, британский блеф с целью оттянуть время, и 20 августа отказалось рассматривать столь широкое предложение до решения данцигского вопроса, который, как было заявлено Лондону, является «последним требованием» по пересмотру Версаль-

ского договора. Кроме того, Великобритании было заявлено, что «после урегулирования данцигского вопроса Гитлер намерен выдвинуть предложения по общему урегулированию, в которых он намерен пойти настолько далеко, насколько это возможно, чтобы удовлетворить желания Англии. Гитлер будет готов предложить Англии союз»⁸⁵. В ходе секретной встречи Геринга с британскими бизнесменами 7 августа Лондону было сделано предложение договориться на базе признания германских интересов на востоке⁸⁶.

Получив из Рима сведения о том, что, несмотря на напряженность в германо-польских отношениях, до 1942–1943 гг. войны не будет, Ю. Бек полагал, что любые действия Германии — «это блеф Гитлера, он старается запугать Польшу и тем самым вынудить ее пойти на уступки. Гитлер не начнет войну»⁸⁷. Поэтому было решено занять жесткую позицию в обострившихся польско-данцигских отношениях. В итоге власти Данцига пошли на нормализацию ситуации. Понятно, что Варшава увидела в этом подтверждение правильности своей твердой линии, а пресса заговорила о поражении Гитлера. 9 августа Германия предупредила Польшу, что ее дальнейшее вмешательство в дела Данцига приведет к ухудшению германо-польских отношений. Со своей стороны Польша заявила, что отвергает любое вмешательство Германии в польско-данцигские отношения и будет в дальнейшем расценивать его как акт агрессии⁸⁸. События вокруг Данцига вызвали неудовольствие Лондона и Парижа, с которыми Варшава и не подумала проконсультроваться⁸⁹.

9 августа Великобритания заявила Германии, что прекращение односторонних действий Берлина в Европе привело бы к успокоению общественного мнения и позволило бы «обсудить проблемы умиротворения. Британское правительство имеет живейшее желание, чтобы это время наступило, и тогда оно пойдет очень далеко для достижения этой цели»⁹⁰. 11 августа зондаж был возобновлен через комиссара Лиги наций в Данциге К. Буркхарда, встретившегося с согласия Великобритании, Франции и Польши с А. Гитлером, который высказал ряд угроз в адрес Польши и заявил, что Германия хочет мира с Великобританией и переговоров, но без участия Франции. Если Запад будет мешать походу против СССР, то Германии придется разбить его в первую очередь. Получив эти сведения, в Великобритании стали ожидать дальнейших германских предложений, которые так и не поступили, так как ставка Гитлера на войну блокировала многие выгодные Германии предложения Лондона⁹¹. 12 августа Гитлер отдал приказ о начале сосредоточения и развертывания вермахта для операции против Польши и назначил «день X» на 26 августа⁹². Под видом подготовки к осенним маневрам в начале августа 1939 г. была проведена частичная мобилизация некоторых резервных дивизий, а также частей армейского и корпусного подчинения. С июля 1939 г. в Восточной Пруссии, а с 18 августа по всей Германии начались предмобилизационные мероприятия.

14 августа в Берлин поступило новое неофициальное британское предложение о разделе сфер интересов (Германии — Восточная Европа, Великобритания — ее империя), решении колониального вопроса, общеевропейском урегулировании и взаимном разоружении. Соответственно, Германия должна перестать поддерживать Испанию, дать автономию Протекторату Богемии и Моравии и отказаться от самостоятельной экспансии⁹³. В тот же день в ходе совещания с военными А. Гитлер заявил о своем решении начать войну с Польшей, поскольку «Англия и Франция не вступят в войну, если ничто не вынудит их к этому»⁹⁴. 16 августа британское министерство авиации неофициально уведомило Берлин, что возможен вариант, когда Великобритания объявит войну, но военные действия вестись не будут, если Германия быстро разобьет Польшу, а британские ВВС не станут бомбить незащищенные города⁹⁵. Все эти британские зондажи усиливали у германского руководства уверенность в том, что Великобритания пока не готова к войне, и в этих условиях следует не связывать себе руки соглашением с ней, а воевать.

В ходе начавшихся 12 августа в Москве военных переговоров советская сторона 14 августа подняла вопрос о проходе Красной армии через территорию Польши и Румынии, который, видимо, рассматривался советским руководством своеобразным индикатором намерений западных партнеров. Хотя Великобритания и Франция прекрасно знали отрицательное отношение Польши к этой проблеме, было решено еще раз запросить ее и попытаться найти некую компромиссную формулу, которая позволила бы продолжить переговоры в Москве⁹⁶. Однако 19 августа Ю. Бек заявил французскому послу, что «у нас нет военного договора с СССР; мы не хотим его иметь», и не уполномочивали никого обсуждать «вопрос использования части нашей территории иностранными войсками»⁹⁷. Даже накануне заключения советско-германского договора о ненападении Польша 23 августа вновь заявила, что «наша принципиальная точка зрения в отношении СССР является окончательной и остается без изменений»⁹⁸.

13–18 августа в Польше началась скрытая мобилизация еще девяти дивизий и бригад. В это время Великобритания и Франция все еще не были уверены в том, что Германия будет воевать с Польшей. 18–20 августа Польша, категорически отвергавшая сотрудничество с СССР, была готова обсудить германские условия территориального урегулирования, но Берлин, взявший курс на войну, уже не интересовало мирное решение вопроса. Великобританию тоже не устраивала перспектива перехода Польши в лагерь Германии. В итоге германо-польские переговоры так и не состоялись. Со своей стороны Лондон и Париж отказались от давления на Варшаву относительно вопроса о проходе Красной Армии на польскую территорию⁹⁹. В свою

очередь Москва была озабочена тем, что для Великобритании «Польша — форпост против СССР. Англия воевать не будет и Польше не поможет»¹⁰⁰.

15 августа Берлин выразил готовность направить в Москву для переговоров министра иностранных дел. В ответ советская сторона согласилась обсудить проблемы гарантий государствам Прибалтики, нормализации советско-японских отношений и договора о ненападении. 17 августа Германия приняла все советские предложения и вновь просила ускорить переговоры путем приезда И. фон Риббентропа в Москву. В ответ СССР предложил сначала подписать экономический договор, а затем подтвердить договор о нейтралитете 1926 г. или заключить договор о ненападении с протоколом о взаимных интересах. 19 августа было подписано советско-германское экономическое соглашение, Берлин сообщил о своем согласии «учесть все, чего пожелает СССР», и вновь настаивал на ускорении переговоров. Советская сторона передала Германии проект договора о ненападении и дала согласие на приезд Риббентропа 26–27 августа. 21 августа Берлин предложил Лондону принять 23 августа Г. Геринга для переговоров, а Москве — Риббентропа для подписания договора о ненападении. И СССР, и Великобритания ответили согласием. Исходя из необходимости прежде всего подписать договор с Советским Союзом, А. Гитлер 22 августа отменил полет Геринга в Лондон. Пока же британское руководство, опасаясь сорвать визит Геринга, запретило мобилизацию. 22 августа советская пресса сообщила о предстоящем визите Риббентропа в Москву, одновременно СССР информировал Великобританию и Францию, что «переговоры о ненападении с Германией не могут никоим образом прерваться или замедлить англо-франко-советские переговоры»¹⁰¹.

22 августа А. Гитлер вновь выступил перед военными и заявил, что вмешательство Великобритании и Франции в германо-польский конфликт маловероятно, а с СССР будет заключен договор, что снизит угрозу экономической блокады Германии. В этих условиях стоит рискнуть и разгромить Польшу, одновременно сдерживая Запад¹⁰². Занятый локализацией похода в Польшу, Гитлер рассматривал «договор (с СССР) как разумную сделку. Разумеется, по отношению к Сталину надо всегда быть начеку, но в данный момент он (Гитлер) видит в пакте с советским лидером шанс устранить Англию из конфликта с Польшей»¹⁰³. Уверенный в том, что ему это удастся, Гитлер в первой половине дня 23 августа, когда И. фон Риббентроп еще летел в Москву, отдал приказ о нападении на Польшу в 4.30 утра 26 августа¹⁰⁴. 23 августа гауляйтер Данцига был провозглашен главой города, что было нарушением его статута, но с протестом выступила лишь Польша, тогда как члены Лиги наций промолчали. В тот же день Париж заявил, что поддержит Варшаву, но Верховный совет национальной обороны решил, что никаких

военных мер против Германии предпринято не будет, если она сама не нападет на Францию. 23 августа Гитлеру было передано письмо премьер-министра Великобритании, сообщавшего о том, что в случае войны Великобритания поддержит Польшу, но при этом демонстрировавшего готовность к соглашению с Германией¹⁰⁵. В Великобритании все еще ожидали визита Г. Геринга, и лишь 24 августа стало ясно, что он не приедет.

Тем временем 23 августа в Москву прибыл И. фон Риббентроп, и в ходе переговоров с И. В. Сталиным и В. М. Молотовым в ночь на 24 августа были подписаны советско-германский договор о ненападении и секретный дополнительный протокол, определивший сферы интересов сторон в Восточной Европе. К сфере интересов СССР были отнесены Финляндия, Эстония, Латвия, территория Польши к востоку от рек Нарев, Висла и Сан, а также Бессарабия¹⁰⁶. Благодаря этому соглашению Советский Союз впервые за всю свою историю добился признания своих интересов в Восточной Европе со стороны великой европейской державы. Москве удалось ограничить возможности дипломатического маневрирования Германии в отношении Великобритании и Японии, что во многом снижало для СССР угрозу общеевропейской консолидации на антисоветской основе и крупного конфликта на Дальнем Востоке, где в это время шли бои на Халхин-Голе с японскими войсками. Конечно, за это Москве пришлось взять на себя обязательства отказаться от антигерманских действий в случае возникновения германо-польской войны, расширить экономические контакты с Германией и свернуть антифашистскую пропаганду.

24 августа Германия уведомила Польшу, что препятствием к урегулированию конфликта являются британские гарантии. В тот же день Франция порекомендовала Польше воздержаться от применения силы, а ограничиться дипломатическими средствами, если Данциг объявит о присоединении к Германии. Опасаясь, что Варшава пойдет на уступки и сближение с Берлином, Великобритания 25 августа подписала с Польшей договор о взаимопомощи, но военного соглашения заключено не было¹⁰⁷, поскольку Лондон не собирался оказывать реальную военную помощь Варшаве. Это была все та же политика давления на Берлин с целью добиться нормализации англо-германских отношений. В тот же день Германия уведомила Великобританию, что «после решения польской проблемы» она предложит всеобъемлющее соглашение сотрудничества и мира, вплоть до гарантий существования и помощи Британской империи¹⁰⁸. Но вечером 25 августа в Берлине стало известно об англо-польском договоре, а Италия известила об отказе участвовать в войне. В итоге в 19.30 А. Гитлер отменил нападение на Польшу, и армию удалось удержать буквально в последний момент. Однако приказ о проведении с 26 августа общей мобилизации отменен не был, и она продолжалась до 31 августа¹⁰⁹.

Подписав договор о ненападении с Германией, советская сторона 25 августа заявила англо-французским военным миссиям, что в изменившейся ситуации военные переговоры «теряют всякий смысл»¹¹⁰. Правда, в тот же день Франции было сообщено, что договор 1935 г. все еще остается в силе, а политические переговоры с западными странами могли бы быть продолжены. Советское руководство было готово рассмотреть любые предложения Великобритании и Франции, если они согласятся на советские условия, но Лондон и Париж решили не идти на уступки СССР, который втайне от них осмелился предпочесть собственные интересы «общему делу» защиты западных демократий, и в ночь на 26 августа их военные миссии покинули Москву¹¹¹.

26 августа западные союзники порекомендовали Польше дать приказ войскам воздерживаться от вооруженного ответа на германские провокации, а на следующий день предложили ей организовать взаимный обмен населением с Германией. Великобритания, Франция и Польша все еще не были уверены, что Германия решится воевать, поскольку считалось, что англо-польский договор удержит ее от войны. 26 августа из Лондона в Берлин поступили сведения, что Великобритания не вмешается в случае германского нападения на Польшу или объявит войну, но воевать не будет¹¹². 28 августа Великобритания отказалась от германских предложений о гарантии империи, порекомендовав Берлину начать прямые переговоры с Варшавой.

Лондон полагал, что «если урегулирование нынешнего кризиса ограничится возвращением Данцига и участков «коридора» Германии, то, как нам кажется, можно найти, в пределах разумного периода времени, решение без войны»¹¹³. Если бы германо-польские «переговоры привели к соглашению, на что рассчитывает правительство Великобритании, то был бы открыт путь к широкому соглашению между Германией и Англией»¹¹⁴. Лондон вновь предупредил Берлин, что в случае войны Великобритания поддержит Польшу, но при этом обещал воздействовать на нее в пользу переговоров с Германией.

Во второй половине дня 28 августа А. Гитлер установил ориентировочный срок наступления на 1 сентября. 29 августа Германия дала согласие на прямые переговоры с Польшей на условиях передачи Данцига, плебисцита в «польском коридоре» и гарантии новых границ Польши Германией, Италией, Великобританией, Францией и СССР. Прибытие польских представителей на переговоры ожидалось 30 августа. Передавая эти предложения Великобритании, Гитлер надеялся, что «он вобьет клин между Англией, Францией и Польшей»¹¹⁵. В тот же день Берлин уведомил Москву о предложениях Великобритании по урегулированию германо-польского конфликта и о том, что Германия настаивает на сохранении договора с СССР, союза с Италией и не будет участвовать в международной конференции без Советского Союза, вместе

с которым следует решать все вопросы Восточной Европы¹¹⁶. 29 августа польское руководство сообщило своим западным союзникам о готовности начать мобилизацию, но они потребовали отложить этот шаг. Однако, благодаря начатой в Польше еще 23 августа скрытой мобилизации, к утру 1 сентября мобилизационный план был выполнен на 60%, но начавшееся 26 августа развертывание польских войск не было завершено — лишь 46,8% войск находилось в районах предназначения, но и они не успели полностью занять свои позиции, поскольку приказ об этом был отдан только 30 августа¹¹⁷.

30 августа Великобритания вновь подтвердила свое согласие воздействовать на Польшу, при условии, что войны не будет, и Германия прекратит антипольскую кампанию в печати. В таком случае Лондон был согласен на созыв в будущем международной конференции. В этот день вермахт все еще не получил приказа о нападении на Польшу, поскольку ожидалось, что Великобритания пойдет на уступки, и тогда наступление будет отсрочено до 2 сентября, причем в этом случае «войны уже не будет совсем», поскольку «приезд поляков в Берлин = подчинению»¹¹⁸. 30 августа Великобритания получила точные сведения о предложениях Германии по урегулированию польской проблемы, но не известила о них Польшу, а, надеясь еще отсрочить войну, в ночь на 31 августа уведомила Берлин об одобрении прямых германо-польских переговоров, которые должны были начаться через некоторое время. Рано утром 31 августа А. Гитлер подписал Директиву № 1, согласно которой нападение на Польшу должно было начаться в 4:45 утра 1 сентября¹¹⁹. Лишь днем 31 августа германские предложения об урегулировании кризиса были переданы Великобританией Польше с рекомендацией положительно ответить на них и ускорить переговоры с Германией. Однако Варшава оказалась не готова к прямым переговорам с Берлином. В тот же день Италия предложила Германии посреднические услуги в урегулировании кризиса, но, получив отказ, уведомила Великобританию и Францию, что не будет воевать¹²⁰. 1 сентября Германия напала на Польшу, а европейский кризис перерос в войну, в которую 3 сентября вступили Великобритания и Франция.

Таким образом, начало политического кризиса 1939 г. в Европе активизировало внешнюю политику всех великих держав и резко расширило возможности внешнеполитического маневрирования Советского Союза. Шли тайные и явные англо-франко-советские, англо-германские и советско-германские переговоры, происходило оформление англо-франко-польской и германо-итальянской коалиций. Поскольку и Великобритания с Францией, и Германия были заинтересованы в благожелательной позиции СССР, Москва получила возможность выбирать, с кем и на каких условиях договариваться. В своих расчетах советское руководство исходило из того, что нарастание кризиса или возникновение войны в Европе — как

при участии СССР в англо-французском блоке, так и при сохранении им нейтралитета — открывало новые перспективы для усиления советского влияния на континенте. Союз с Лондоном и Парижем делал бы Москву равноправным партнером со всеми вытекающими из этого последствиями, а сохранение Советским Союзом нейтралитета в условиях ослабления обеих воюющих сторон позволяло ему занять позицию своеобразного арбитра, от которого зависит исход войны. Продолжая действовать в рамках идеи «коллективной безопасности», советское руководство попыталось добиться заключения союза с Великобританией и Францией. Однако англо-франко-советские переговоры показали, что западные державы не готовы к равноправному партнерству с Москвой.

Определенную роль в срыве этих переговоров сыграла и позиция восточноевропейских соседей СССР, которые заявляли Великобритании и Франции о своей незаинтересованности в гарантии их независимости с участием советской стороны. Подобный

ход переговоров наряду с угрозой англо-германского соглашения заставил Москву более внимательно отнестись к германским предложениям о нормализации двусторонних отношений. Подписанный 23 августа 1939 г. советско-германский договор о ненападении стал большим успехом советской дипломатии. Используя склонность Германии к соглашению, советское руководство сумело добиться серьезных уступок со стороны Берлина. Советскому Союзу удалось на определенное время остаться вне европейской войны, получив при этом значительную свободу рук в Восточной Европе и более широкое пространство для маневра между воюющими группировками в собственных интересах. При этом следует подчеркнуть, что советско-германский договор о ненападении не был детонатором войны в Европе. Ведь вместо честного выполнения своих союзнических обязательств перед Варшавой Великобритания и Франция продолжали добиваться соглашения с Германией, что фактически подтолкнуло ее к войне с Польшей.

1. Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. М., 2000. С. 130. Прим. 197.
2. Год кризиса, 1938–1939: Документы и материалы. В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 85–86.
3. Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 132–135.
4. Документы и материалы по истории советско-польских отношений (далее — ДМИСПО). Т. 7. М., 1973. С. 29–30; Год кризиса. Т. 1. С. 75–77, 79–80, 85–86, 93–94, 117, 118, 130–137, 163–164, 168–177, 191–192, 194–196, 200–201, 210; *Фомин В. Т.* Агрессия фашистской Германии в Европе, 1933–1939. М., 1963. С. 560–566, 571–575; Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 112–118, 120–122; *Фляйшхауэр И.* Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии, 1938–1939. Пер. с нем. М., 1990. С. 85–89; *Случ С. З.* Польша в политике Третьего рейха накануне Второй мировой войны // Россия — Польша — Германия в европейской и мировой политике XVI–XX вв. М., 2002. С. 326; *Карлей М. Д.* 1939. Альянс, который не состоялся, и приближение Второй мировой войны. Пер. с англ. М., 2005. С. 132–135.
5. ДМИСПО. Т. 7. С. 23–25, 34–49; Документы внешней политики СССР (далее — ДВП). Т. 22. Кн. 1. М., 1992. С. 41–43.
6. Год кризиса. Т. 1. С. 207–209, 211, 276–278; *Мосли Л.* Утраченное время. Как начиналась вторая мировая война. Сокр. пер. с англ. М., 1972. С. 156–160.
7. Год кризиса. Т. 1. С. 253–254, 272–274.
8. Там же. С. 167–168, 184–186; *Фляйшхауэр И.* Указ. соч. С. 75–85, 93–95; *Безыменский Л. А.* Советско-германские договоры 1939 г.: новые документы и старые проблемы // Новая и новейшая история. 1998. № 3. С. 3–26; *Случ С. З.* Указ. соч. С. 325.
9. *Гальянов В.* Международная обстановка второй империалистической войны // Большевик. 1939. № 4. С. 49–65.
10. *Наджафов Д. Г.* Начало второй мировой войны. О мотивах сталинского руководства при заключении пакта Молотова-Риббентропа // Война и политика, 1939–1941. М., 1999. С. 89–90.
11. Год кризиса. Т. 1. С. 258–264.
12. Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937–1939. В 2 т. М., 1981. Т. 2. С. 351; *Некрич А. М.* Политика английского империализма в Европе (октябрь 1938–сентябрь 1939). М., 1955. С. 263–264.
13. Год кризиса. Т. 1. С. 272–274, 289–291; *Мосли Л.* Указ. соч. С. 160–196; *Севостьянов Г. Н.* Европейский кризис и позиция США, 1938–1939. М., 1992. С. 177–178.
14. ДМИСПО. Т. 7. С. 57–64, 66, 68, 69; Год кризиса. Т. 1. С. 314–315, 317–319, 324–327, 335–337, 339; ДВП. Т. 22. Кн. 1. С. 216; *Иванов А. Г.* Агрессоры и умиротворители. Гитлер, Муссолини и британская дипломатия. М., 1993. С. 158–160; *Карлей М. Д.* 1939. Указ. соч. С. 143–159.
15. Год кризиса. Т. 1. С. 288, 293–294, 295, 296–297, 308–310; *Мосли Л.* Указ. соч. С. 201–212; *Фляйшхауэр И.* Указ. соч. С. 109–112; *Иванов А. Г.* Указ. соч. С. 153–154; *Сиполс В. Я.* Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной войны. 1939–1941. М., 1997. С. 43; Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 125.
16. Akten zur deutschen auswärtigen Politik. Serie D. Bd. 5. Baden-Baden, 1953. S. 435–441; *Фляйшхауэр И.* Указ. соч. С. 109–112.
17. Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 200–201; *Чемпалов И. Н.* К истории заключения германо-румынского экономического соглашения 1939 года // Новая и новейшая история. 1959. № 1. С. 147–149; *Язькова А. А.* Румыния накануне второй мировой войны. 1934–1939 гг. М., 1963. С. 263.
18. *Grzelak C. K.* Kresy w czerwieni. Agresja Związku Sowjeckiego na Polskę w 1939 roku. Warszawa, 1998. S. 116–119.
19. *Молодяков В. Э.* Несостоявшаяся ось: Берлин — Москва — Токио. М., 2004. С. 140.
20. РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 493. Л. 35.

21. Гришин Я.Я. Диктатор внешней политики. Казань, 2001. С. 221.
22. Год кризиса. Т. 1. С. 341–342; Мосли Л. Указ. соч. С. 212–218; Иванов А.Г. Указ. соч. С. 163–164; Некрич А.М. Политика английского империализма в Европе (октябрь 1938–сентябрь 1939). С. 289–303.
23. Кимхе Д. Несостоявшаяся битва. Пер. с англ. М., 1971. С. 42–46.
24. Год кризиса. Т. 1. С. 355.
25. ДМИСПО. Т. 7. С. 71–75, 78–80; Документы и материалы кануна второй мировой войны. Т. 2. С. 62–64.
26. Известия. 1939. 4 апреля; ДВП. Т. 22. Кн. 1. С. 246.
27. ДВП. Т. 22. Кн. 1. С. 252–253.
28. Год кризиса. Т. 1. С. 357–359.
29. Там же. С. 361.
30. Захариас М. Предпосылки и мотивы политики Ю. Бека в 1939 году // Советско-польские отношения в политических условиях Европы 30-х годов XX столетия. М., 2001. С. 219–230.
31. Год кризиса. Т. 1. С. 370–372, 373–378.
32. Документы и материалы кануна второй мировой войны. Т. 2. С. 69–72; Год кризиса. Т. 1. С. 379–383, 384–387, 389.
33. Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 55.
34. ДМИСПО. Т. 7. С. 88–89; Год кризиса. Т. 1. С. 389–390; Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 55.
35. Год кризиса. Т. 1. С. 394–395.
36. Документы и материалы кануна второй мировой войны. Т. 2. С. 74; Год кризиса. Т. 1. С. 399, 413–414; Фляйшхауэр И. Указ. соч. С. 119–127; Карлей М.Д. Указ. соч. С. 167–183.
37. Вишлев О.В. «Большая политика»: март–май 1939 года (к предыстории советско-германского договора о ненападении) // Россия и Германия. Вып. 2. М., 2001. С. 222.
38. Год кризиса. Т. 1. С. 378–379; Мосли Л. Утраченное время. Как начиналась вторая мировая война. С. 218–221; Фомин В.Т. Агрессия фашистской Германии в Европе, 1933–1939. С. 567–571.
39. Год кризиса. Т. 1. С. 314–315.
40. ДВП. Т. 22. Кн. 1. С. 320–321.
41. Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 57.
42. Некрич А.М. Указ. соч. С. 322–401; Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны. 2-е изд., дораб. и доп. М., 1989; Волков С.В., Емельянов Ю.В. До и после секретных протоколов. М., 1989; Альтернативы 1939 г. М., 1989; Политический кризис 1939 г. и страны Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1989; 1939 год. Уроки истории. М., 1990; Фляйшхауэр И. Указ. соч.; Севостьянов Г.Н. Европейский кризис и позиция США, 1938–1939. С. 136–374; Предвоенный кризис 1939 года в документах. М., 1992; Сиполс В.Я. Указ. соч. С. 17–114; Карлей М.Д. 1939. Альянс, который не состоялся, и приближение Второй мировой войны; и др.
43. Год кризиса. Т. 1. С. 424; Фляйшхауэр И. Указ. соч. С. 129–139.
44. Фомин В.Т. Империалистическая агрессия против Польши в 1939 г. М., 1952. С. 107–109; Гришин Я.Я. Диктатор внешней политики. С. 238–241.
45. Фомин В.Т. Указ. соч. С. 109–110; Год кризиса. Т. 1. С. 498–500.
46. Год кризиса. Т. 1. С. 437–438.
47. Там же. С. 435–436, 438–439.
48. Там же. С. 437–438, 441–442, 444, 448–449, 465–466; Т. 2. С. 394. Прим. 111; Дембски С. Советский Союз и вопросы польской политики равновесия в преддверии пакта Риббентропа–Молотова. 1938–1939 годы // Отечественная история. 2001. № 2. С. 79–80.
49. Год кризиса. Т. 1. С. 451–454.
50. СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (сентябрь 1938 г.–август 1939 г.): Документы и материалы. М., 1971. С. 396–398; Год кризиса. Т. 1. С. 461–463.
51. РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 493. Л. 145–154, 159, 178–179; Известия ЦК КПСС. 1990. № 3. С. 216–219; Военная разведка информирует. Документы Разведуправления Красной Армии. Январь 1939–июнь 1941 г. М., 2008. С. 81–84.
52. ДМИСПО. Т. 7. С. 111–112, 115–116; ДВП. Т. 22. Кн. 1. С. 393, 418.
53. ДМИСПО. Т. 7. С. 114–115.
54. Год кризиса. Т. 1. С. 496–497, 498; Т. 2. С. 112–113; Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 160–161.
55. История второй мировой войны 1939–1945 гг. В 12 т. Т. 2. М., 1974. С. 353; Мосли Л. Указ. соч. С. 246–248; Кимхе Д. Несостоявшаяся битва. С. 55–67; Фомин В.Т. Агрессия фашистской Германии в Европе. 1933–1939. С. 595–596; Фомин В.Т. Империалистическая агрессия против Польши в 1939 г. С. 95–100.
56. История международных отношений и внешней политики СССР. Т. 2. М., 1962. С. 17.
57. Некрич А.М. Политика английского империализма в Европе (октябрь 1938–сентябрь 1939). С. 310–311; Дембски С. Советский Союз и вопросы польской политики равновесия в преддверии пакта Риббентропа–Молотова. 1938–1939 гг. С. 78.
58. ДМИСПО. Т. 7. С. 112–114.

59. Документы и материалы кануна второй мировой войны. Т. 2. С. 94–95; Год кризиса. Т. 1. С. 482–484, 508–513, 518–522; *Фляйшхауэр И.* Указ. соч. С. 155–156; *Фалин В. М.* Второй фронт. Антигитлеровская коалиция: конфликт интересов. М., 2000. С. 102–103.
60. *Дашичев В. И.* Банкротство стратегии германского фашизма. В 2 т. М., 1973. Т. 1. С. 132–137; Год кризиса. Т. 1. С. 493–495; *Ушаков В. Б.* Внешняя политика гитлеровской Германии. М., 1961. С. 161–164.
61. Год кризиса. Т. 1. С. 523–527.
62. ДВП. Т. 22. Кн. 1. С. 427.
63. ДМИСПО. Т. 7. С. 120–121.
64. Там же. С. 40; ДВП. Т. 22. Кн. 1. С. 450–451; Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. С. 162–163.
65. Год кризиса. Т. 2. С. 5–6, 17, 27–28, 31–36; *Фалин В. М.* Второй фронт. Антигитлеровская коалиция: конфликт интересов. С. 103.
66. Год кризиса. Т. 2. С. 29–30, 38–40, 45–48, 61–62, 64–67.
67. Там же. С. 71–73.
68. Документы и материалы кануна второй мировой войны. Т. 2. С. 378.
69. *Дашичев В. И.* Указ. соч. Т. 1. С. 341–343, 370–373; *Прозектор Д. М.* Война в Европе. 1939–1941 гг. М., 1963. С. 20–26; *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg.* Stuttgart, 1979. Bd. 2. S. 92–99.
70. *Прозектор Д. М.* Указ. соч. С. 39; *Кимхе Д.* Несостоявшаяся битва. С. 68–90.
71. ДВП. Т. 22. Кн. 1. С. 516; Год кризиса. Т. 2. С. 75–80.
72. Год кризиса. Т. 2. С. 75–77, 78–82, 84–85, 400, прим. 135; *Фляйшхауэр И.* Указ. соч. С. 207.
73. Год кризиса. Т. 2. С. 88–94, 102–105; *Фалин В. М.* Второй фронт. Антигитлеровская коалиция: конфликт интересов. С. 103–104.
74. *Сиполс В. Я.* Тайны дипломатические. С. 28–29.
75. Документы и материалы кануна второй мировой войны. Т. 2. С. 193–198.
76. Год кризиса. Т. 2. С. 117, 122–125, 134.
77. Там же. С. 95–97, 127–134, 135, 147–152; *Мосли Л.* Указ. соч. С. 248–253; *Кимхе Д.* Указ. соч. С. 94–97; *Севостьянов Г. Н.* Европейский кризис и позиция США, 1938–1939. С. 272–276; *Карлей М. Д.* Указ. соч. С. 236–240.
78. Правда. 1939. 2 августа; Документы и материалы кануна второй мировой войны. Т. 2. С. 390; Год кризиса. Т. 2. С. 153–154, 136–139, 141–142, 145.
79. Документы и материалы кануна второй мировой войны. Т. 2. С. 168.
80. Год кризиса. Т. 2. С. 192–193; *Карлей М. Д.* Указ. соч. С. 241–247.
81. Там же. С. 169; *Челышев И. А.* СССР — Франция: трудные годы. 1938–1941. М., 1999. С. 131–133.
82. ДВП. Т. 22. Кн. 1. С. 386.
83. Год кризиса. Т. 2. С. 153–163, 175, 177, 178–180, 182–183, 184–188, 209; Европа в международных отношениях 1917–1939. М., 1979. С. 393–395; *Челышев И. А.* Указ. соч. С. 134–141.
84. Год кризиса. Т. 2. С. 163–168.
85. Документы и материалы кануна второй мировой войны. Т. 2. С. 318–321.
86. Там же. С. 205–211; *Безыменский Л. А.* «Второй Мюнхен»: замысел и результаты (из архивов Форин оффиса) // Новая и новейшая история. 1989. № 4. С. 93–110; № 5. С. 143–160.
87. *Мосли Л.* Указ. соч. С. 258–259.
88. Там же. С. 278–282; *Некрич А. М.* Политика английского империализма в Европе (октябрь 1938–сентябрь 1939). С. 405.
89. *Фомин В. Т.* Империалистическая агрессия против Польши в 1939 г. С. 129–131.
90. Документы и материалы кануна второй мировой войны. Т. 2. С. 201–204.
91. *Безыменский Л. А.* Августовское предложение Гитлера Лондону // Международная жизнь. 1989. № 8. С. 40–50.
92. *Белов Н. фон.* Я был адъютантом Гитлера. 1937–1945 // Новая и новейшая история. 2001. № 4. С. 174; *Белов Н. фон.* Я был адъютантом Гитлера. 1937–1945. Пер. с нем. Смоленск, 2003. С. 222–223.
93. Документы и материалы кануна второй мировой войны. Т. 2. С. 248–249; Год кризиса. Т. 2. С. 248–250.
94. *Гальдер Ф.* Военный дневник. Ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск 1939–1942 гг. В 3 т. Т. 1. Пер. с нем. М., 1968. С. 33–40.
95. Год кризиса. Т. 2. С. 250–252.
96. Там же. С. 191–208, 210–229, 235–246, 256–269, 292–293, 295–301, 305–311.
97. Там же. С. 278–279; *Мосли Л.* Утраченное время. Как начиналась вторая мировая война. С. 301.
98. ДМИСПО. Т. 7. С. 144–146, 160–165, 166, 176; Год кризиса. Т. 2. С. 255–256, 268–269, 294–295, 305–306, 316–318; *Мосли Л.* Утраченное время. Как начиналась вторая мировая война. С. 299–302; *Сиполс В. Я.* Тайны дипломатические. С. 76; *Гришин Я. Я.* Диктатор внешней политики. С. 257–261; *Карлей М. Д.* Указ. соч. С. 260–261.
99. *Фомин В. Т.* Империалистическая агрессия против Польши в 1939 г. С. 86; *Малафеев К. А.* Позиция французских правящих

кругов на англо-франко-советских военных переговорах 1939 года // Из истории классовой борьбы и международных отношений новейшего времени. Рязань, 1974. С. 26–53; *Сиполс В.Я.* Тайны дипломатические. С. 76–77.

- ^{100.} *Парсаданова В.С.* Польша, Германия и СССР между 23 августа и 28 сентября 1939 года // Вопросы истории. 1997. №7. С. 15–16.
- ^{101.} Год кризиса. Т. 2. С. 229–233, 269–273, 274–278, 280–291, 302–303, 304–305; *Мосли Л.* Указ. соч. С. 298–302.
- ^{102.} *Дашичев В.И.* Указ. соч. Т. 1. С. 138–140, 384–385; Вторая мировая война: Два взгляда. М., 1995. С. 89–94.
- ^{103.} Новая и новейшая история. 2001. №4. С. 177; *Фляйшхауэр И.* Указ. соч. С. 294.
- ^{104.} *Гальдер Ф.* Военный дневник. Ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск 1939–1942 гг. Т. 1. С. 59–61.
- ^{105.} Год кризиса. Т. 2. С. 313–314.
- ^{106.} *Фляйшхауэр И.* Указ. соч. С. 319–321.
- ^{107.} Год кризиса. Т. 2. С. 323–326.
- ^{108.} Документы и материалы кануна второй мировой войны. Т. 2. С. 336–338; *Фляйшхауэр И.* Указ. соч. С. 316.
- ^{109.} *Гальдер Ф.* Военный дневник. Ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск 1939–1942 гг. Т. 1. С. 64–66; *Мосли Л.* Указ. соч. С. 315–321; *Некрич А.М.* Политика английского империализма в Европе (октябрь 1938–сентябрь 1939). С. 412–428; *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии. 1933–1945. Пер. с нем. Т. 1. М., 1956. С. 81–86; Т. 2. М., 1958. С. 10–13, 20.
- ^{110.} ДВП. Т. 22. Кн. 1. С. 669.
- ^{111.} Год кризиса. Т. 2. С. 327–328; *Сиполс В.Я.* Тайны дипломатические. С. 112–113.
- ^{112.} *Фомин В.Т.* Указ. соч. С. 141–148; *Мосли Л.* Указ. соч. С. 329; *Кимхе Д.* Несостоявшаяся битва. С. 117–128.
- ^{113.} *Мосли Л.* Указ. соч. С. 329.
- ^{114.} *Фомин В.Т.* Империалистическая агрессия против Польши в 1939 г. С. 135.
- ^{115.} *Гальдер Ф.* Военный дневник. Ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск 1939–1942 гг. Т. 1. С. 79.
- ^{116.} Год кризиса. Т. 2. С. 338; *Мосли Л.* Указ. соч. С. 322–347; *Кимхе Д.* Несостоявшаяся битва. С. 129–140.
- ^{117.} *Прозектор Д.М.* Война в Европе. 1939–1941 гг. С. 42; *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg.* Bd. 2. S. 104–110; Начальный период войны. М., 1974. С. 134–136, 148–149; *Згорняк М.* Военно-политическое положение и оперативные планы Польши перед началом Второй мировой войны // Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. Пер. с нем. М., 1996. С. 358–359.
- ^{118.} *Гальдер Ф.* Военный дневник. Ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск 1939–1942 гг. Т. 1. С. 83–84.
- ^{119.} Там же. С. 84.
- ^{120.} Год кризиса. Т. 2. С. 339–344, 354–355; *Гальдер Ф.* Военный дневник. Ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск 1939–1942 гг. Т. 1. С. 84–86; *Фомин В.Т.* Империалистическая агрессия против Польши в 1939 г. С. 148–152, 154–155; *Гришин Я.Я.* Диктатор внешней политики. С. 264.